

ДЖОН ШЕМЯКИН
ДИКИЙ БАРИН
В ДИКОМ ПОЛЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ш46

Разработка макета — *Ирина Гришина*
Дизайн обложки — *Василий Половцев*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Шемякин, Джон Александрович.

Ш46 Дикий барин в диком поле / Джон Шемякин. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с.

ISBN 978-5-17-099949-1

«Очень многие в последнее время стали задавать мне вопросы, связанные с родом моей деятельности. Для меня такое любопытство кажется странным. Люди не верят, что чтение псалмов на паперти взаправду может кормить!

Любой Шерлок Холмс может подойти ко мне, хрустя пустыми ампулами с семипроцентным раствором под ботинками на пуговицах, и сразу же догадаться, кто я такой и чем зарабатываю себе на кусок горького хлеба и кружку дождевой воды. Раз в тельняшке — значит, моряк. Деревянная нога, подсыхающая у камина, говорит о том, что моряк я не очень хороший, но с богатым прошлым, скорее всего боевым. Где у нас была война последний раз? Значит, боевой моряк из Кандагара. Любит сидеть на стульях верхом, значит, кавалеризмом занимается. Боевой моряк-кавалерист из Кандагара. Часто матерится. Известное дело, гуманитарии. Татуировка «Саша» на тыльной стороне ладони помогает понять, что зовут меня Саша. А сердце, пронзенное стрелой, под синим именем — что я очень эгоистичный, самовлюбленный Саша... Я люблю, когда интрига».

Джон Шемякин

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-099949-1

© Д. Шемякин, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ЖИТЕЙСКАЯ
ИСТОРИЯ

.....

ЛЫЖИ

Носился на лыжах, собирая на склонах кровавую жатву.

Мне бы санки шипастые, меж шипов проволочка чтоб стальная, булатные полозья в хищном узоре, а спереди саночек-разрезалочек рогатый череп пусть скалится на трезубце. В руку бы мне косу, в другую же кистенёк. Я бы тогда человек на пять больше уделал на спуске.

А раньше я на лыжах ходить, спускаться, бегать и пр. не любил. Мне государство выдавало лыжи бесплатно. В моём лесостепном историческом техникуме, например. Исторический техникум надеялся, что лыжные кроссы укрепят мою мужественность, подготовят меня к защите родного края или, напротив, защите трудящихся края чужого.

В школе наш класс учили бросаться в самоубийственные штыковые атаки, метать гранаты, отличать по запаху отравляющие газы, по цвету-яркости — атомный взрыв от водородного, по звуку — работу танковых моторов «Леопарда» от «Т-60».

Во дворе нас учили допрашивать, вешать и расстреливать пленных. На улицах — диагностировать переломы и вправлять выбитые челюсти. Дома —

копить сухари, крупы, спирт, лекарства, сахар. В очередях приучали к терпению у комендатур и пунктов эвакуации. В гостях — нажираться на грядущую зимовку, сгребая недоеденное в карманы и шапки. В кино и банях случались облавы. В театре «Оптимистическая трагедия», а там — «кто ещё хочет попробовать комиссарского тела?», анархист Сиплый и не то чтобы хепши-энд.

А тут ещё и лыжные кроссы!

Я считал, что вполне уже годен к нестроевой службе при обозе наступающих на развалины Парижа краснознамённых гусеничных армад. Учил языки, хотел в трофейную команду. На лыжах не хотел, а это оценки, выговоры и презрение сизоносого доцента кафедры физвоспитания.

Поэтому я что? Поэтому я лыжи ломал. Ломал я их в лесу, наедине с природой, колошматя по пню.

Три раза государство выдавало мне лыжи с ещё теплыми от чужих ног ботинками. Что тоже являлось своего рода подготовкой к грядущему неизбежному. И все три раза я случайно ломал лыжи о пень.

А на четвёртый раз за мной, используя мою невнимательность, доверчивость к лесу и, прямо скажем, надвигающуюся слепоту, заскользил следить сизоносый физкультурник. Наш, как я его называл, педагог.

И вот зима. Лютая. Я стою перед деревом. Пня не вижу — он весь окончательно в снегу затаился. Поэтому ёлка. Пушистая, красивая, накинувшая на себя белоснежную шубку, немолодая, но стройная. Свежая. И вот я хреначу лыжей по упругим её ветвям. А ёлка-озорница играет со мной, кокетничает. Пружинит, сволочь. Не ломается лыжа.

Надо мной вороньё кружит. Я красный весь, колочу лыжей злобно, хаотично, от меня пар. Я как

мужик-середняк, вернувшийся из недоброго города в свою голодную деревню. Злость, тоска и позёмка. Только вороны радуют, орут и машут крыльями. Короче, новый год в колонии усиленного режима, добавленный администрацией колонии к предыдущему сроку.

— И что это мы тут делаем? — слышу вкрадчивый вопрос.

Не оборачиваясь, выпустил лыжу из рук, молча и не мигая обтёр лицо снегом.

«Буду валить физкультурника, — решил, — потом грех замолю, а лес не выдаст, схоронит нашу маленькую педагогическую тайну. К весне ближе я уже буду в Ашхабаде, на стройке, звать меня будут Фирдуз, там граница, копыта, Тегеран, Персидский залив, смена документов и танкер. Поножовщина в трюме с носатыми греками. Далее карьера миллионера-судовладельца, белый смокинг, оперная певица в любовницах, бриллиант в зубе у собаки, яхта из палисандра, опиум, таинственное убийство певицы, собачий зуб с бриллиантом в кармане, Монако, казино, проигрыш, револьвер, осечка, выигрыш, возвращение на родину в костюме образованного раджи. Всё стройно, чётко просчитано, план прекрасен!»

Оборачиваюсь к доценту. А он своей судьбы не знает, думает, что его синий тренировочный костюм с надписью «Спортобщество «Пищевик» 1980» спасёт, обеспечит ему легкое вознесение.

Но глаза-то у него есть. Поэтому он на три шага от меня сразу отошёл. От меня же пар валит, я красный, на щетине снег тает, и запах от ботинок с чужих ног тоже, знаете, не обнадёживает.

— Что я тут делаю? — тихо спрашиваю у отступающего физкультурника. И сразу в крик, тут важно

Джон Шемякин .....

дать мгновенный переход, секундный переход фазы торможения в фазу обострения болезни мозга. — Вы! Вы, Сергей Сергеевич! Только! Посмотрите! Ворона на верхушке! Терзает! Терзает!.. — тут пауза, резкое понижение тона, растерянность, боль и на выдохе безнадёжно: — Бельчонка...

— Шемякин, вы идиот?

— Я идиот.

— Отдайте лыжи. Я поставлю вам зачёт. Никому ничего не рассказывайте.

КОМСОМОЛЬСКИЕ ВЗНОСЫ

Однажды, очень и очень давно, декан изловил меня в момент моего возрождения из пепла.

В пепел я превратился, проведив своего друга Серёжу Н-ва в армию.

Рассказывал уже эту бесстыдную историю, прекрасно характеризующую моё разрушительное влияние на все стороны жизни людей, окружающих меня.

Вкратце напомним. Мы с Серёжей жили в одной общежитской комнате. И символизировали собой два полюса одного холодильника «Полюс».

Папа у Серёжи работал директором крупного свинокомплекса. А я жил сам по себе на гречневых и гороховых концентратах.

Завтракал Серёжа двумя ломтями свинятины, которые из-за знания общежитских нравов жарил тут же, у нас в комнате, деликатно задёрнув от меня занавеску. Обедал Серёжа тоже чем-то очень диетическим на основе смальца и копчёностей, ужин я обычно не наблюдал, потому как горбатым шакалёнком бегал

по коридорам общежития номер два, обезумев от гастрономических кошмаров.

В нашей комнате пропахло сытой едой всё: Серёжа, его вещи, мои вещи, подушки, одеяла, учебники, я жратвой тоже пропах насквозь. Омерзительная привычка нюхать пальцы, галлюцинации, бред стали моими постоянными спутниками.

Холодильник свой Серёжа запирал на изящную цепочку с замком, которые ему привезла из свино-комплекса мама. Она при этом привезла ещё пять кило копчёного сала и две банки маринованных с перцем пяточков. Думаю, что в детстве у Серёжи были забавные игрушки, а его детская была красиво убрана поросычьими головками и гирляндами сосисок над кроватью в форме свинки из натуральной кожи.

Серёжа очень любил эти маринованные пяточки и, похрустывая, закусывал ими водочку, которая, понятное дело, при такой диете его не губила, а делала всё краше и краше. Человек на моих глазах наливался телесной красотой не по дням, а по часам.

Стали приходить к нам повестки из военкоматов. Родина настойчиво звала нас к себе в армию, гостеприимно указывая номер статьи Конституции.

Серёже повестка всё никак не приходила и не приходила. На проводах в рекруты какого-то очередного счастливца Серёжа сказал, что служить вообще не собирается. Сказал негромко, времена были ещё прилично социалистические. Но в глазах у Серёжи стояло безмятежным синим озером понимание жизни.

В ту же ночь я сел за письменный стол, взял пропахшую свининой бумагу, липкую ручку и написал между жирными разводами письмо в «Красную звезду». От имени Серёжи Н-ва. В письме говорилось, в частно-

сти, что дед-балтиец и отец-тихоокеанец Сергея с осуждением смотрят на него, до сих пор не служившего, а военком района подполковник Б. Гусев под надуманными предложениями отказывает Сергею в его праве защищать нашу страну. «Под надуманными предложениями» я подчеркнул два раза. Письмо завершалось просьбой направить Серёжу служить на флот, желательно на атомную подводную лодку. Подписал просто: Сергей Н-в. И утречком опустил в почтовый ящик.

Я сам не ожидал, что это письмо опубликуют в «Красной звезде» в рубрике «Навстречу съезду ВЛКСМ».

За Серёжей пришли прямо в лекционный зал. Пришёл сам подполковник Б. Гусев и два капитана.

С большим и понятным волнением я читал письма, которые мне писал друг Серёжа из Североморска. В этих письмах было всё. В тех местах, где описывалась моя судьба в инвалидном кресле на вокзале, я всегда прерывал чтение и замирал.

Через полгода я привык к этим письмам, перестал их хранить у сердца и начал усиленно отжиматься от пола и бегать в загородном парке. Записался в секцию гиревого спорта.

Вот при возвращении с тренировки, на которой я много плакал и просился домой (тм), меня и подловил наш добрый король Дагоберт. Декан наш замечательный. Который меня, в принципе, помнил, как-то распознавал на визуальном уровне, но имени моего запоминать не хотел.

Декан схватил меня за руки и взволнованно произнёс:

— Джеймс! У нас на факультете произошла беда!

Если бы передо мной не стояла самая главная беда на факультете, если бы она не так крепко держала

меня за руки, то, возможно, я и не стал бы впоследствии тем, кем стал. А просто вырвался бы и убежал.

Но что-то меня остановило, и две беды факультета разговорились.

— Понимаешь, Джим, — сказал мне декан, — у нашего факультета огромная задолженность по членским взносам. Мы много должны комитету комсомола университета. Студенты не платят свои взносы, понимаешь?! И поэтому образовалась задолженность. Комитету комсомола университета. Студенты не хотят платить, и задолженность получилась, понимаешь, да?!

— Перед комитетом комсомола? Задолженность перед комитетом комсомола организовалась, да? — уточнил я на всякий случай, переминаясь призовым жеребцом и прикидывая, смогу ли выбить головой стекло и скрыться в кустах.

— Да! — ответил неторопливый декан. — Студенты не платят вовремя взносы, и образовалась задолженность.

— Это очень плохо! — честно признал я. — За это по головке не погладят. За задолженность перед комитетом комсомола. В такое время это очень плохо, когда студенты вовремя не платят взносы.

Стекло уже не казалось мне таким уж толстым.

— Ты, Джин, вот что: ты должен нам помочь, да. У Колесниковой, — декан посмотрел в бумажку, — не получается собирать взносы вовремя. Ты должен ей помочь взносы собрать.

Стекло казалось уже совсем тонким и манило.

— Я обязательно помогу! — пообещал я максимально честно.

— Давай сюда зачётку! — внезапно хищно сказал декан. Помог мне её найти и спрятал в свой

карман. — Верну, когда... — декан посмотрел в бумажку, — Колесникова скажет, что задолженность перед комитетом комсомола ликвидирована.

«Прекрасно, Джек! — сказал я сам себе. — Прекрасно! Очень удачно всё сложилось. Правда? Главное, секция гиревого спорта очень помогла!»

Через два часа я был вышвырнут из всех возможным общежитских комнат, в которые входил с требованием комсомольской дани. Я орал и бесновался, стучал кулаками в двери, давил на сознательность и простую человеческую жалость.

Может, на других факультетах это бы и сработало. Но на историческом факультете, сами понимаете... Какая жалость, если кругом конспекты по гражданской войне?

Обида была в том, что дело-то пустяшное было: по две копейки с носа в месяц. Но первый сбор украли, вторую сумму как-то потеряли. В третий раз собрали не со всех, и такая карусель несколько месяцев продолжалась. Но не кошмарная сумма корячилась, нет.

С огорчением и болью вернулся в свою конурку.

После ухода Серёжи Н-ва на флот комнатка моя не осиротела. Ко мне подселили отслужившего пограничника Ваню, и жизнь наладилась.

Ваня выпивал. А так как его путь в страну зелёных фей только начинался и весил Ваня около центнера, то алкоголя ему требовалось довольно много.

Недостаток средств Ваня возмещал, работая сторожем в школе, в которую по ночам запускал всех окрестных сластолюбцев и женщин трудной судьбы. Деньги, полученные от сластолюбцев, Ваня аккуратно пропивал, заглушая совесть и расшатывая нервную систему.

У него начали появляться странные идеи и видения. В видениях этих Ваня был страшен. Спал я в такие Ванины периоды, как кашалот: только одной половиной мозга. Вторая половина стояла на страже моего здоровья и жизни. Потом половины мозга менялись местами, происходила смена караула, и к седьмому дню видения начинались уже и у меня.

— У тебя водка есть? — спросил у меня Ваня.

— Водка будет, когда мы с тобой ликвидируем задолженность перед комитетом комсомола! — произнёс я, валясь в постель. — Студенты не платят взносы, понимаешь, Джеймс, а Колесникова не справляется... декан зачётку... песец! — засыпая половиной мозга, обрисовывал я ситуацию.

Я даже не заметил, как Ваня взял обмотанную изоляцией монтировку и вышел из комнаты, приставив на место нашу традиционно полуоторванную дверь.

Утром я проснулся уже второй половиной мозга и понял, что стал жертвой какого-то насилия. Иного объяснения тому, что я лежу в постели и весь усыпан, как среднеазиатская невеста, бумажными деньгами, найти мне было трудно.

Ощупал себя всесторонне, посмотрел под кровать, попил воды. Под раковиной обнаружилась коробочка из-под обуви, в которой тоже были деньги. Деньги были ещё на полу и даже в сортире. Ощупал себя ещё раз. Отлегло от сердца, не так уж я и свеж был, чтобы за моё потрёпанное житейскими бурями тело платили такие бешеные деньжищи. Тем более что и Ваня спал среди синих и красных бумажек. А он-то просто так не сдался бы.

Собрал Ванятка за ночь адское количество рублей. Нет, не только с историков, он методично прочесал два общежития, заглянул и к юристам, и к филоло-

Джон Шемякин .....

гам. Сначала трезвым собирал, объясняя ситуацию с задолженностью, а потом где-то разговелся и стал просто так входить с монтировкой и уходить уже с купюрами.

«Лет семь, — думал я, разглядывая собранные кучей дензнаки, — как минимум. На зоне надо будет в придурки постараться попасть. В библиотеку или в прачечную, самодеятельность поднимать».

В голове лаяли конвойные собаки и лязгали заборы этапных вагонов.

Отучился ты, Джим, отучился...

Деньги мы с Ваней сдали в комитет комсомола. Я успел написать красивым почерком обращение к М.С. Горбачёву от лица студенчества. В комитете, увидев меня с петицией и причёсанного Ваню с коробкой денег, сначала не поверили глазам.

— Это наш почин! — торжественно произнёс я взволнованным голосом коммунара. — На памятник первым комсомольцам нашей области. И ещё тут задолженность по взносам...

На съезд ВЛКСМ Ваня поехал один. Мою кандидатуру зарубили в комсомольском обкоме.

ПРОШЛОЕ

Проезжал мимо своего первого адреса в Самаре. Снимал в 1986 году комнату у одного странноватого бывшего инженера, женатого на не менее странноватой учительнице рисования.

Инженер был рыбак. Жена лила из гипса фигурки. Вязки чехони, низки воблы, веревки с лещами на все комнаты протянуты. Снасти по углам. Лодка в коридоре. И все это благоухает то так, то

эдак среди гипсовых бюстов и каких-то посмертных масок.

Правда, не все маски были посмертные. Два раза хозяйка снимала гипсовые слепки с моего выразительного лица. Не знаю, чего она хотела этим добиться. Но упорно уговаривала продолжить творческие эксперименты с моим увековечиванием.

Одну маску подарила мне. В полном обалдении держал в руках своё гипсовое лицо, тревожно прислушиваясь к своим внутренним ощущениям. Это как скальп свой держать в трясущихся руках под свист прерий.

Повесил слепок на стену.

Снял на следующий день. Отнес в университет и подарил археологу Вашенкину. Тот удачно пристроил мою личину в экспозицию, неожиданно посвященную раскопкам Помпей.

Пока экспозиция действовала, пару раз заходил любоваться на себя. Под моим гипсовым лицом красовалась трафаретная надпись: «Одна из жертв вулкана Везувий. Нумидийский раб».

Пока хозяйка квартиры предавалась со мной творчеству, хозяин приучал меня к поискам правильного опарыша и копке червей. За прослушивание лекций про опарыша мне полагалась поощрительная награда — вобла. А то и две. Плюс я негромко заимствовал из хозяйской коллекции эту питательную и полезную рыбу.

Из воблы я варил суп с пшенкой. Воблой я закусывал воду из-под крана или даже чай. На воблу менял сигареты. Воблой я подманивал к себе доверчивых микрорайонных девушек. Вобла меня кормила, утешала, доставляла телесные удовольствия. А после сдачи зачета по мировой художественной культуре